

Тропы Брюс Чатвин
несен

Travel Series

Брюс Чатвин

Тропы песен

«Паулсен»

1987

Чатвин Б.

Тропы песен / Б. Чатвин — «Паулсен», 1987 — (Travel Series)

ISBN 5-98797-003-2

Ранее прославившийся своим эссеистическим трэвелогом-исследованием «В Патагонии», в «Тропах песен» Брюс Чатвин предпринимает путешествие внутрь еще одной мистерии, но уже на другом конце земли – во внутренней Австралии аборигенов.

ISBN 5-98797-003-2

© Чатвин Б., 1987

© Паулсен, 1987

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	15
5	18
6	20
7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Брюс Чатвин

Тропы песен

Посвящается Элизабет

1

В Алис-Спрингс – сплошной сетке из выжженных солнцем улиц, где мужчины в длинных белых носках безостановочно вылезали из «лендкрузеров» и залезали обратно, – я повстречался с русским, который наносил на карту священные места аборигенов.

Звали его Аркадий Волчок. Он оказался гражданином Австралии. Ему было тридцать три года.

Его отец, Иван Волчок, казак из станицы под Ростовом-на-Дону, в 1942 году был схвачен и погружен в вагон поезда вместе с другими *остарбайтерами*, которых должны были угнать в Германию для работы на немецких заводах. Однажды ночью, проезжая по Украине, он выпрыгнул из скотного вагона и упал в подсолнуховое поле. Солдаты в серой униформе охотились за ним, прочесывая вдоль и поперек длинные ряды подсолнухов, но ему удалось улизнуть. В каких-то других краях, затерявшись меж крушащими друг друга армиями, он повстречал девушку из Киева и женился на ней. Вдвоем они сумели добраться до глухих пригородов Аделаиды, где Иван завел водочный ларек и зачал трех крепких сыновей.

Младшим из этих сыновей был Аркадий.

Темперамент Аркадия нисколько не располагал его к жизни в неразберихе англосаксонского пригорода или же к какой-нибудь скучной работе. У него было плосковатое лицо и нежная улыбка, и по сплясавшим австралийским просторам он передвигался с легкостью своих вольнолюбивых предков.

У него были соломенные волосы, густые и прямые. Губы растрескались от зноя. В отличие от многих белых австралийцев на Равнине, губы у него не были втянуты внутрь и он не глотал слова. Он очень по-русски раскатывал звук «р». Лишь подойдя к нему совсем близко, ты замечал, какая у него крупная кость.

Он рассказал мне, что был женат, что у него шестилетняя дочь. Но, предпочтя одиночество хаосу домашнего быта, он уже давно не жил с женой. У него не было почти никакого имущества, кроме клавирина и полки с книгами.

Он неумолимо странствовал по бушу. Ему ничего не стоило отправиться на прогулку длиной в полторы сотни километров, прихватив с собой лишь флягу с водой. Потом он возвращался домой, прятался от жары и света, задергивал шторы и играл на своем клавирине что-нибудь из Букстехуде и Баха. Их упорядоченные секвенции, говорил он, очень согласуются с устройством центрально-австралийского ландшафта.

Ни отец, ни мать Аркадия не прочли в своей жизни ни одной книги на английском языке. Он порадовал их, получив диплом с отличием в Аделаидском университете, где изучал историю и философию, а огорчил – уехав работать школьным учителем в поселение аборигенов в провинции Уолбири, к северу от Алис-Спрингс.

Ему нравились аборигены. Ему нравилась их выдержка и упорство, их искусность в обхождении с белым человеком. Он овладел – или наполовину овладел – парой их языков и поразился интеллектуальной мощи этих народностей, их необычайно цепкой памяти и их способности и воле к выживанию. Он уверял, что аборигены – отнюдь не вымирающая раса, хотя им действительно требуется помощь, причем срочная, чтобы сбросить с них ярмо правительства и горнодобывающих компаний.

Именно в пору своего учительства Аркадий и узнал о том лабиринте невидимых троп, которые опутывают всю Австралию и что известны европейцам как «Маршруты Сновидений», или «Тропы Песен»; сами аборигены называют эти дороги «Следами Предков», или «Путем Закона».

Туземные мифы о сотворении мира рассказывают о легендарных существах-тотемах, которые во Время Сновидений скитались по всему континенту, выпевая имена всего сущего, встречавшегося им по пути, – птиц, зверей, растений, скал, источников, – и благодаря этому пению мир обретал существование.

Аркадия так потрясла красота этих представлений, что он принялся записывать все, что видел или слышал, – не для публикации, а просто для удовлетворения собственного любопытства. Поначалу старейшины уолбири смотрели на него с подозрением и уклончиво отвечали на вопросы. Но потом, когда он завоевал их доверие, они стали приглашать его на свои самые тайные церемонии и сами знакомили его со своими песнями.

Однажды из Канберры приехал один антрополог, изучавший систему землепользования у уолбири. Этот завистливый ученый презрел дружбу Аркадия с аборигенами, вытянул из него информацию и немедленно выдал секрет, который обещал хранить. «Русский», возмущенный последовавшим за этим скандалом, бросил работу и отправился путешествовать за границу.

Он видел буддистские храмы Явы, сидел вместе с садху на гатах в Бенаресе, курил гашиш в Кабуле и работал в кибуце. По припорошенному снегом афинскому Акрополю кроме него бродила только одна туристка – молодая гречанка из Сиднея.

Они путешествовали по Италии и стали любовниками, а в Париже решили пожениться.

Аркадий, выросший в стране, где не было «ничего», всю жизнь мечтал увидеть памятники западной цивилизации. Он влюбился. Была весна. Европа должна была показаться ему изумительной. Но, к его собственному огорчению, она показалась ему вялой.

В Австралии Аркадию часто приходилось защищать аборигенов от людей, которые презирали их и считали пьяницами и невежественными дикарями; и бывали времена, когда, глядя на безнадежную убогость лагеря уолбири, он и сам готов был с ними согласиться и признать, что его профессия и помощь чернокожим – или добровольное потакание собственным слабостям, или пустая трата времени.

Теперь же, в Европе с ее тупым материализмом, его «старики» показались Аркадию куда мудрее и глубокомысленнее, чем когда-либо. Он отправился в контору «Куантас»¹ и купил два билета на родину. Шесть недель спустя он женился в Сиднее, а потом привез жену с собой в Алис-Спрингс.

Жена говорила, что мечтает жить в Центральной Австралии. Приехав туда, она сказала, что обожает здешнюю жизнь. Но прожив всего одно лето в домике под жестяной крышей, раскалявшемся как печка, супруги начали отдаляться друг от друга.

Закон о земельном праве наделял аборигенов-«хозяев» юридическим правом собственности на их страну – при условии, что они не будут ее занимать; и работа, которую придумал себе Аркадий, состояла в переводе «племенного закона» на язык Закона Короны.

Никто лучше него не знал, что «идиллическая» пора охоты и собирательства – если ее и в самом деле можно считать идиллической – закончилась. Единственное, что еще можно было сделать для аборигенов, – это сохранить за ними самую главную свободу: свободу жить в нищете, или, как он более тактично выразился, сохранить за ними пространство, где они могли бы жить в нищете, если они того желают.

Теперь, живя бобылем, он предпочитал проводить большую часть времени, бродя по бую. Когда он все-таки возвращался в город, то работал в заброшенном печатном цеху, где из

---

¹ «Куантас» – австралийская авиакомпания.

станков еще торчали рулоны старой газетной бумаги, а полосы Аркадиевых аэрофотоснимков покрывали обшарпанные белые стены, будто костяшки домино.

Одна последовательность кадров показывала полосу земли длиной в четыреста пятьдесят километров, бегущую почти строго на север. Предполагалось, что именно по этому участку пройдет новая линия железной дороги, которая свяжет Алис с Дарвином.

Эта линия, рассказывал мне Аркадий, должна была стать последним большим железнодорожным отрезком в Австралии – и вдобавок лучшим, как утверждал главный инженер строительства, железнодорожник старой школы.

Этот инженер уже почти достиг пенсионного возраста, к тому же его заботила посмертная репутация. Особенно он стремился избежать скандала вроде тех, что поднимались всякий раз, как очередная горнодобывающая компания завозила свое оборудование на территории аборигенов. Поэтому, пообещав не разрушать ни одного священного места туземцев, он поручил их представителям снабдить его землемерной съемкой местности.

Работа Аркадия заключалась в том, чтобы установить «исконных землевладельцев», провести их по их бывшим охотничьим угодьям, даже если они теперь принадлежали скотоводческим компаниям, и упросить их подробно рассказать, какая скала, какое болото, какой эвкалипт-призрак сотворены их предками, героями из Времени Сновидений.

Он уже начертил карту 225-километрового участка от Алис до станции Миддл-Бор. Осталось сделать еще столько же.

– Я предупреждал инженера, что он немного погорячился, – сказал Аркадий. – Но так уж он захотел.

– А почему погорячился? – спросил я.

– Ну, потому что, если поглядеть на это *их* глазами, – усмехнулся Аркадий, – то вся треклятая Австралия – сплошь священное место.

– Объясни, – попросил я.

Он уже собирался пуститься в объяснения, но тут вошла аборигенка с кипой газет. Это была секретарша – гибкая коричневая девушка в коричневом вязаном платье. Она улыбнулась и сказала: «Привет, Арк!», но, завидев незнакомца, сразу перестала улыбаться.

Аркадий понизил голос. Он уже предупреждал меня, что аборигены терпеть не могут, когда белые люди обсуждают между собой «их дела».

– Это пом². Пом по имени Брюс, – представил меня Аркадий секретарше.

Девушка застенчиво хихикнула, плюхнула газеты на стол и устремилась к двери.

– Пойдем-ка выпьем кофе, – предложил Аркадий.

И мы отправились в кофейню на Тодд-стрит.

---

² «Пом», «помми» – пренебрежительное прозвище англичанина, иммигрировавшего в Австралию.

2

В детстве, слыша слово «Австралия», я всегда представлял себе пары от эвкалиптового ингалятора и бескрайнюю красную землю, по которой разбредаются овцы.

Мой отец любил рассказывать (а мы – слушать) историю про того австралийского миллионера, разбогатевшего на овцах, который ввалился в демонстрационный зал в Лондоне, где были выставлены новые «роллс-ройсы». Презрев все модели меньших размеров, он подошел к огромному лимузину с перегородкой из листового стекла между водительским и пассажирскими местами и, отсчитывая наличные, небрежно бросил: «Ну, теперь-то овцы не будут дышать мне в затылок».

А еще я знал от двоюродной бабушки Рут, что Австралия – это страна, где живут антиподы. Если в земле пробурить дыру здесь, в Англии, то по этому тоннелю можно пробраться прямо к ним.

– А как же они там не падают? – спрашивал я.

– Притяжение, – шептала она в ответ.

В ее библиотеке имелась книга об австралийском материке, и я, бывало, с изумлением разглядывал картинки с изображением коалы и кукабары, утконоса и тасманского сумчатого дьявола, Старика Кенгуру и желтой собаки Динго, а также моста в Сиднейской гавани.

Но больше всего мне нравилась фотография, изображавшая семью аборигенов в пути. Это были худые, костлявые люди, и путешествовали они голыми. Кожа у них была очень черная – но не блестяще-черная, как у негров, а матово-черная, как будто лучи солнца лишили ее всякой отражающей способности. У мужчины была длинная раздвоенная борода, он нес копье или два копья и копьеметалку. Женщина несла сумочку и прижимала к груди младенца. Рядом с ней шагал маленький мальчик – и на его месте я представлял себя.

Помню фантастическую бездомность первых пяти лет моей жизни. Мой отец служил во флоте, плавал в море. Шла война, и мы с мамой мотались туда-сюда по железным дорогам Англии, разъезжая по родственникам и друзьям.

Мне передавалась и сама бешеная суматошность того времени: свист и пар от паровоза на окутанном туманом вокзале; двойной *ба-бах* захлопывающихся дверей; гул самолета, свет прожекторов, вой сирен; звуки губной гармоники на платформе со спящими вповалку солдатами.

Если у нас и был дом, то этим домом был крепкий черный чемодан, называвшийся «Рев-Роуб», в котором был отведен угол для моей одежды и для моего противогаса с Микки-Маусом. Я знал, что, как только начнут падать бомбы, я могу свернуться калачиком внутри «Рев-Роуба», и мне ничто не будет угрожать.

Иногда я месяцами жил у двух моих двоюродных бабушек, обитавших в стандартном доме за церковью в Стратфорде-на-Эйвоне. Они были старыми девами.

Бабушка Кейти была художницей и в свое время немало поездила по свету. В Париже она побывала на очень сомнительной вечеринке в мастерской мистера Кеса ван Донгена. На Капри она видела котелок некоего мистера Ульянова, обычно передвигавшегося вприпрыжку вдоль Пикколы Марины.

Бабушка Рут путешествовала единственный раз в жизни – во Фландрию, чтобы возложить венок на могилу возлюбленного. Она была простодушна и доверчива. У нее были бледно-розовые щеки, и она умела вспыхивать нежным и невинным румянцем, как юная девушка. Она была безнадежно глуха, и мне приходилось громко кричать в ее слуховой аппарат, выглядывший как переносное радио. Возле кровати у нее стояла фотография любимого племянника – моего отца, с которой он глядел серьезным взглядом из-под патентованного козырька своей кепки морского офицера.

Мои родственники-мужчины со стороны отца были или основательными, оседлыми гражданами – адвокатами, архитекторами, антикварами, – или скитальцами, влюбленными в горизонт, сложившими свои кости в самых разных местах планеты: кузен Чарли – в Патагонии; дядя Виктор – в юконском лагере золотоискателей; дядя Роберт – в каком-то восточном порту. Дядя Десмонд, у которого были длинные светлые волосы, бесследно сгинул в Париже. Был еще дядя Уолтер, который умер, распевая суры Блистательного Корана, в больнице для праведников в Каире.

Иногда я слышал, как мои бабушки обсуждают злосчастные судьбы этих родственников; и бабушка Рут обнимала меня, словно хотела оградить меня от желания последовать по их стопам. Однако по тому, с каким замиранием она произносила слова вроде «Занаду», «Самарканд» или «виноцветное море», я понимал, что и она ощущает волнение, что она тоже «странница в душе».

Дом был заставлен громоздкой мебелью, унаследованной со времен высоких потолков и слуг. В гостиной висели уильям-моррисовские занавески, стояло пианино, горка с фарфором, висела картина, изображавшая сборщиков куколя, работы А. Э. Расселла, друга бабушки Кейти.

Самой драгоценной вещью, которой я обладал в то время, была раковина моллюска, которую звали Мона. Отец привез ее мне из Вест-Индии. Я утыкался лицом в ее блестящую розовую вульву и слушал шум прибоя.

Однажды, когда бабушка Кейти показала мне репродукцию «Рождения Венеры» Боттичелли, я долго молился о том, чтобы из Моны вдруг выпрыгнула юная светловолосая красавица.

Бабушка Рут никогда меня не бранила. Это случилось всего раз – одним майским вечером 1944 года, когда я написал в воду, набранную в ванну. Наверное, я был одним из последних детей во всем мире, кого страшили призраком Бонопарта. «Если сделаешь это еще раз, – кричала она, – тебе влетит от Бони».

Как выглядит Бони, я знал по его фарфоровой статуэтке, стоявшей в шкафу: черные сапоги, белые штаны, позолоченные пуговицы и черная треуголка. А вот на карикатуре, которую нарисовала для меня бабушка Рут (это было подражание той карикатуре, которую для нее в детстве рисовал друг ее отца, Лоренс Альма-Тадема), из-под меховой треуголки торчали только тонкие длинные ножки.

В ту ночь – и еще много недель – мне снилось, что я встречаю Бони на тротуаре возле дома викария. Две половинки его шляпы раскрывались, будто двустворчатый моллюск, а внутри показывались ряды черных клыков и масса жестких сине-черных волос. Я падал туда – и с криком просыпался.

По пятницам мы с бабушкой Рут отправлялись в приходскую церковь и готовили ее к воскресной службе. Она протирала медные подсвечники, мела пол в хорах, заменяла украшения и расставляла свежие цветы на алтаре, а я тем временем карабкался на кафедру или вел воображаемые беседы с мистером Шекспиром.

Мистер Шекспир взирал на меня со своего надгробного памятника в северной части алтаря. У него была лысина и усики, загнутые кончиками кверху. Его левая рука покоилась на свитке бумаги, а правая держала перо.

Я назначил себя хранителем его могилы и гидом, требуя у американских солдат по три пенни за экскурсию. Первыми стихотворными строчками, которые я выучил наизусть, были четыре строки, высеченные на его надгробной плите:

Во имя Господа, мой друг,
Прах не копай, лежащий тут.
Блажен будь тот, кто камень чтит,

И проклят тот, кто не щадит.³

Много лет спустя, в Венгрии, куда я отправился изучать археологию кочевников, мне повезло своими глазами увидеть, как раскапывают гробницу гуннской «принцессы». Девушка лежала на спине, на черном земляном ложе. Ее хрупкие кости покрывал сплошной дождь золотых бляшек, а на груди у нее лежал скелет беркута с распростертыми крыльями.

Один из археологов позвал крестьянок, сгребавших сено в стога в поле неподалеку. Побросав свои грабли и столпившись у входа в гробницу, они начали торопливо креститься, как бы говоря: «Оставьте ее. Оставьте ее с возлюбленным. Оставьте ее наедине с Зевсом».

«И проклят тот, кто...» Мне вспомнился тогда этот призыв мистера Шекспира – и я впервые задумался: а не лежит ли это проклятье на самой археологии?

Когда в Стратфорде стояла хорошая погода, мы с бабушкой Рут – а за нами на натянутом поводке плелся ее кокер-спаниель Янтарь – отправлялись на прогулку, по словам бабушки, излюбленной тропой мистера Шекспира. Мы начинали путь от Колледж-стрит, проходили мимо силосного зернохранилища, мимо пенистого мельничного лотка, переходили Эвон по мосткам, а дальше шли по тропе до Уиэр-Брейка.

Это был лесок с зарослями орешника на склоне, сбегавший до самой реки. Весной там цвели примулы и колокольчики. Летом буйно разрастались крапива, ежевика и пурпурный вербейник, а внизу плескалась грязноватая водица.

Бабушка уверяла меня, что это то самое место, куда мистер Шекспир ходил на свидания с юной девушкой. Это был тот самый берег, где вился дикий тимьян. Но она никогда не объясняла, что такое свидание, и, сколько бы я ни искал, там не было и следа тимьяна и буквиц, хотя несколько поникших фиалок⁴ мне удалось-таки обнаружить.

Много позже, когда я уже прочел пьесы мистера Шекспира и узнал, что такое свидание, мне пришло в голову, что Уиэр-Брейк – слишком уж грязное и колючее место, чтобы там встречались Титания и Основа: зато Офелия вполне могла бы там утопиться.

Бабушка Рут любила читать Шекспира вслух, и в те дни, когда трава была сухой, я свешивал ноги над речкой и слушал, как она декламирует «О музыка, ты пища для любви...»⁵, «Не действует по принуждению милость...»⁶ или «Отец твой спит на дне морском...»⁷

«Отец твой спит на дне морском...» страшно печалило меня, потому что мой отец все еще был в море. Мне много раз снился один и тот же сон: что его корабль затонул, что у меня выросли жабры и рыбий хвост и я поплыл на дно океана, чтобы найти его там, и увидел блестящие жемчужины, которые когда-то были его ярко-синими глазами.

Спустя год или два помимо мистера Шекспира для разнообразия моя бабушка уже брала с собой антологию стихов, составленную специально для путешественников. Назывался этот сборник «Свободная дорога». У нее был зеленый клеенчатый переплет, а обложку украшали позолоченные ласточки.

Я любил наблюдать за ласточками. Весной, когда они прилетали, я знал, что скоро мои легкие очистятся от зеленой флегмы. Осенью, когда они весело щебетали, сидя на телеграфных проводах, я почти что мог сосчитать дни, оставшиеся до эвкалиптового ингалятора.

Внутри «Свободной дороги» были черно-белые форзацы в стиле Обри Бердслея, изображавшие узкую тропинку, вьющуюся по сосновому бору. Мы одно за другим одолевали стихотворения сборника.

³ Good frende, for Jesus sake, forbear
To digge the dust enclosed here
Bleste be ye man yt spares thes stones
And cursed be he yt moves my bones.

⁴ Отсылка к словам Оберона из «Сна в летнюю ночь» (акт II, сцена I).

⁵ «Двенадцатая ночь», акт I, сцена I (перевод Э.Линейской).

⁶ «Венецианский купец», акт IV, сцена I (перевод Т.Щепкиной-Куперник).

⁷ «Буря», из песни Ариэля (акт I, сцена II; перевод М. Донского).

Мы вставали и шли на Иннисфри. Мы текли по темным гротам без числа. Мы бродили, как тучи одинокой тень. Мы были счастливы в блеске дня, оплакивали Ликида, в слезах брели в чужих полях⁸ и слушали скрипучую, завораживающую музыку Уолта Уитмена:

О, Людная Дорога...

Ты выражаешься яснее за меня, чем мог я сам бы.

Ты станешь для меня важнее чем мои стихи.

Однажды бабушка Рут сказала мне, что когда-то наша фамилия писалась «Четтевинде», что означало на англосаксонском «извилистая дорога»; тогда-то в моей голове и зародилась догадка, что существует таинственная связь между этими тремя вещами – поэзией, моим собственным именем и самой дорогой.

Что касается чтения перед сном, то больше всего я любил рассказ о щенке койота из «Рассказов о животных» Эрнеста Сетон-Томпсона.

Мать Койотито, или Тито, застрелил пастух Джейк. Она была самым маленьким щенком из всех братьев и сестер, но их всех перебили, а ее пощадили, чтобы сделать забавой для бультерьера и борзых Джейка. Изображение Тито в цепях было самым печальным портретом щеночка, какое мне попадалось. Но она выросла смышленной собакой и однажды утром, притворившись дохлой, вырвалась на волю, чтобы научить новое поколение койотов этому искусству – избегать людей.

Сейчас уже не могу припомнить, с чего началась та цепочка ассоциаций, которая заставила меня связать стремление Тито к свободе с «Обходом» австралийских аборигенов. Я даже не могу вспомнить, когда именно впервые услышал это выражение – «Обход» (Walkabout). И все же откуда-то у меня взялся этот образ: вот «ручные» чернокожие, которые сегодня мирно и счастливо трудятся на скотоводческой станции, а завтра, не сказав никому ни слова и *безо всякой причины*, сматывают удочки и исчезают в голубых просторах.

Они сбрасывали свою рабочую одежду и уходили – на недели, месяцы или даже годы, пускались в переходы через полконтинента, чтобы с кем-нибудь повстречаться, а потом как ни в чем не бывало возвращались обратно.

Я пытался вообразить себе лицо их работодателя в тот момент, когда он обнаруживал их исчезновение.

Мне представлялось, что это шотландец – великан с кожей в пятнах и полным ртом непристойностей. Я так и видел, как он завтракает бифштексом и яичницей: в те дни, когда продовольствие у нас выдавалось по карточкам, мы знали, что *все* австралийцы съедают на завтрак фунт мяса. Потом он выходил на ослепительный солнечный свет – солнце в Австралии всегда ослепительное – и кликал своих «ребят».

Молчок.

Он снова кликал. Ни звука – только глумливый хохот кукабары. Он всматривался в горизонт. Ничего – одни только эвкалипты. Подкрадывался к загонам для скотины. Там тоже – ни души. И вдруг, рядом с их лачугами, он замечал рубашки, шляпы и башмаки, торчащие из пустых штанов...

---

⁸ Несколько измененные цитаты из стихотворений У. Б. Йейтса «Остров Иннисфри», С. Т. Кольриджа «Кубла-Хан», У. Уордсворта «Нарциссы», У. Блейка «Песня», Дж. Китса «Ода соловью» и аллюзия на поэму Д. Мильтона «Ликид» («Люсидас»).

3

В кофейне Аркадий заказал два капучино. Мы уселись за столиком возле окна, и он принялся рассказывать.

Я был изумлен проворством его ума, хотя временами мне казалось, что он рассуждает почти как лектор, а многое из того, что он говорил, уже было сказано раньше.

Философия аборигенов геоцентрична. Земля дает жизнь человеку, дает ему пищу, язык и разум, а когда он умирает, все это снова возвращается к земле. «Родной край» человека, пускай даже это полоска пустоши, заросшая спенифексом, уже сама по себе святыня, которая должна оставаться неповрежденной.

– В смысле – не поврежденной шоссе, разработками, железными дорогами?

– Поранить землю, – отвечал он с серьезным видом, – значит поранить себя самого, а если землю ранят другие, то они ранят тебя. Земля должна оставаться нетронутой, какой она была во Время Сновидений, когда Предки создавали мир своим пением.

– Похожее прозрение, – заметил я, – было и у Рильке. Он тоже говорил, что песнь есть существование.

– Знаю, – сказал Аркадий, подперев подбородок руками. – В «Третьем сонете к Орфею».

Аборигены, продолжал он, – это люди, которые ступают по земле легкой поступью; и чем меньше они у нее забирают, тем меньше они должны отдавать ей взамен. Они никогда не могли взять в толк, отчего миссионеры запрещают их невинные жертвоприношения. Они же никого не убивают – ни животных, ни людей. Они просто благодарят землю и в знак этой благодарности надрезают себе вены на предплечьях и дают капелькам крови пролиться на землю.

– Не такая уж тяжкая цена, – заметил Аркадий. – Войны XX века – вот цена, которую нам пришлось платить за то, что взяли слишком много.

– Понятно, – неуверенно кивнул я, – но нельзя ли нам вернуться к Песенным Тропам?

– Можно.

Я отправился в Австралию для того, чтобы попытаться самому – а не из чужих книжек – узнать, что такое Тропы Песен и как они «работают». Ясно было, что мне не добраться до самой сути дела, да я и не стремился к этому. Я спросил у приятельницы из Аделаиды, не знает ли она какого-нибудь эксперта по этому вопросу. Она дала мне телефон Аркадия.

– Ты не против, если я буду записывать? – спросил я.

– Валяй.

Я вытащил из кармана черный блокнот в клеенчатой обложке с эластичной лентой, удерживающей страницы вместе.

– Симпатичный блокнотик, – заметил Аркадий.

– Раньше я покупал их в Париже, – сказал я. – Но теперь там таких уже не делают.

– В Париже? – повторил он, приподняв бровь, как будто никогда в жизни не слышал ничего более претенциозного.

Потом подмигнул и продолжил рассказывать.

Чтобы разобраться в представлениях о Времени Сновидений, говорил он, нужно понять, что это как бы аборигенский аналог первых двух глав Книги Бытия – с одним только важным отличием.

В Книге Бытия Бог сначала сотворил «зверей земных», а потом из глины вылепил праотца Адама. Здесь же, в Австралии, Предки сами себя создали из глины, и их были сотни и тысячи – по одному для каждого вида тотема.

– Так что, когда австралиец говорит тебе: «У меня Сновидение Валлаби», он хочет сказать: «Мой тотем – Валлаби. Я принадлежу к роду Валлаби».

– Значит, Сновидение – это эмблема рода? Значок, позволяющий отличать «своих» от «чужих»? «Свою землю» от «чужой земли»?

– Да, но не только, – сказал Аркадий.

Каждый Человек-Валлаби верил, что он происходит от общего Праотца-Валлаби, который является предком всех других Людей-Валлаби и всех ныне живущих валлаби. Следовательно, валлаби – его братья. Убивать их ради мяса – и братоубийство, и каннибализм.

– И все же, – настаивал я, – такой человек является валлаби ничуть не больше, чем британцы являются львами, русские – медведями или американцы – белоголовыми орланами?

– Сновидением, – отвечал Аркадий, – может быть любое существо. Сновидением может быть даже вирус. У тебя может быть Сновидение ветряной оспы, Сновидение дождя, Сновидение пустынного апельсина, Сновидение вшей. В Кимберли кое у кого есть теперь даже Сновидение денег.

– Ну да, у валлийцев есть лук-порей, у шотландцев – чертополох, а Дафна превратилась в лавр.

– Та же старая история, – сказал Аркадий.

Потом он стал рассказывать дальше: считалось, что каждый предок-тотем, путешествуя по стране, рассыпал целую вереницу слов и музыкальных нот по земле, рядом со своими следами, и эти линии, эти «маршруты Сновидений», опутывали весь континент и служили «путями сообщения» между самыми удаленными друг от друга племенами.

– Песня, – говорил Аркадий, – являлась одновременно и картой, и радиопеленгатором. Если хорошо знаешь песню, то найдешь дорогу в любом месте страны.

– И человек, уходящий в «Обход», всегда шел вдоль одной из этих песенных троп?

– В прежние времена – да, – подтвердил Аркадий. – Теперь ездят на поезде или на машине.

– А если он собьется со своей песенной тропы?

– Тогда он нарушит границу. За это его могут пронзить копьем.

– Но пока он строго держится маршрута, он всегда будет встречать людей, у которых общее с ним Сновидение? То есть, по сути, своих братьев?

– Да.

– И он может ожидать от них гостеприимства?

– Как и они – от него.

– Выходит, песня – это нечто вроде паспорта и талона на обед?

– Опять-таки, все гораздо сложнее.

По крайней мере теоретически всю Австралию можно считать музыкальной партитурой. Едва ли нашлась бы во всей стране хоть одна скала, хоть одна речушка, которая бы еще не была воспета. Наверное, можно было бы рассматривать Тропы Песен как бесконечные макаронообразные строки местных «Илиад» и «Одиссей», извивающиеся то в одну, то в другую сторону, и каждый «эпизод» этих эпических поэм можно прочесть в геологическом смысле.

– Под словом «эпизод», – спросил я, – ты имеешь в виду «священное место»?

– Ну да.

– Вроде тех, что ты включаешь в обзор для железнодорожников?

– Можно и так выразиться, – сказал он. – В буше в любом месте можно ткнуть куда угодно и спросить у аборигена, который идет с тобой: «А тут что за история?» или: «Кто это?» Скорее всего, он ответит: «Кенгуру», или «Волнистый Попугайчик», или «Бородатая Ящерица» – в зависимости от того, какой Предок там проходил.

– А расстояние между двумя такими местами можно рассматривать как отрывок песни?

– Вот здесь-то, – ответил Аркадий, – и кроется причина всех моих споров с железнодорожниками.

Одно дело – уверить землемера в том, что груды валунов – это яйца Радужной Змеи, а глыба красноватого песчаника – печень пронзенного копьем Кенгуру. И совсем другое – убедить его, что невзрачная полоска гравия – музыкальный аналог Опуса III Бетховена.

Создавая мир своим пением, продолжал он, Предки были поэтами в исконном смысле этого слова: ведь *пойэсис* у древних греков означало «творение». Ни один абориген не мог и помыслить, что сотворенный мир был хоть в чем-то несовершенным. В его религиозной жизни была единственная цель: сохранить землю такой, какой она всегда была и должна быть. Человек, отправлявшийся в «Обход», совершал ритуальное странствие. Он ступал по стопам своего Предка. Он пел строфы, сложенные Предком, не изменяя в них ни единого слова, ни единой ноты – и тем самым заново совершая Творение.

– Иногда, – говорил Аркадий, – я везу своих «стариков» по пустыне, мы подъезжаем к гребню дюн – и тут вдруг все они принимаются дружно петь. «Что поете, народ?» – спрашиваю я, а они в ответ: «Поем землю, босс. Так она быстрее показывается».

Аборигены не понимают, как земля может существовать, пока они ее не увидят и не «пропоют» – точно так же, как во Время Сновидений земли не было до тех пор, пока Предки не воспели ее.

– Выходит, земля, – сказал я, – должна существовать в первую очередь как умственное понятие? А затем ее нужно пропеть? Только после этого можно говорить о ее существовании?

– Верно.

– Иными словами, «существовать» значит «восприниматься»?

– Да.

– Что-то это подозрительно отдаёт «Опровержением материи» епископа Беркли.

– Или буддизмом чистого разума, – возразил Аркадий. – Там мир тоже видится наваждением.

– Тогда, наверное, эти 450 километров стали, которые разрежут бесчисленные песни и пролягут через них, должны вызвать у твоих «стариков» настоящее умственное расстройство?

– И да, и нет, – ответил он. – Они очень непрошибаемы в смысле эмоций и к тому же очень прагматичны. Кроме того, они видели кое-что и похуже железных дорог.

Аборигены верили, что все «звери земные» были сначала тайно сотворены под корою земли – как и все механизмы белого человека – все его аэропланы, ружья, «тойоты-лендкрузеры». То же самое относится и ко всем будущим изобретениям, какие когда-либо будут изобретены: просто они пока дремлют под землей, ожидая своей очереди подняться наверх.

– Тогда, быть может, – предположил я, – они могли бы воспеть железную дорогу, чтобы и ей нашлось место в Божьем тварном мире?

– Вот именно, – сказал Аркадий.

4

Был уже шестой час. Вечерний свет сочился вдоль улицы, и из окна мы увидели группу чернокожих ребят в клетчатых рубашках и ковбойских шляпах, которые, покачиваясь под цезальпиниями, шли в сторону паба.

Официантка смахивала со столов остатки еды. Аркадий попросил ее принести еще кофе, но та сказала, что уже выключила машину. Он поглядел в свою пустую чашку и нахмурился.

Потом поднял взгляд и неожиданно спросил:

– А почему тебя все это интересует? Чего ты здесь ищешь?

– Я приехал сюда, чтобы проверить одну идею.

– Важную идею?

– Наверное, очень очевидную идею. Просто мне нужно обязательно избавиться от нее.

– Ну и?

Видя внезапную перемену в его настроении, я занервничал. Я начал объяснять, что однажды безуспешно пытался написать книгу о кочевниках.

– О кочевниках-пастухах?

– Нет. Просто о кочевниках. О номадах. *Номос* по-гречески – «пастбище». Номады кочуют с пастбища на пастбище. Так что кочевники-пастухи – это уже плеоназм.

– Принято, – сказал Аркадий. – Продолжай. А почему о кочевниках?

И я рассказал, что, когда мне было лет двадцать с небольшим, я работал «экспертом» по современной живописи в одной известной фирме, продававшей картины на аукционах. У нее были торговые залы в Лондоне и Нью-Йорке. Я был в числе блестящих молодых кадров. Мне говорили, что я сделаю отличную карьеру, если только буду умело пользоваться обстоятельствами. Но однажды утром я проснулся слепым.

В течение дня зрение постепенно вернулось к левому глазу, но вот правый оставался вялым и затуманенным. Окулист, осматривавший меня, сказал, что никаких нарушений в тканях нет, и диагностировал природу заболевания.

– Вы слишком пристально смотрели на картины вблизи, – сказал врач. – Почему бы вам на время не отправиться в путешествие, посмотреть на широкие горизонты?

– Почему бы нет? – отозвался я.

– А куда бы вам хотелось поехать?

– В Африку.

Президент компании сказал, что с моими глазами и впрямь что-то не так, но он не может понять, зачем мне понадобилось ехать в Африку.

Я поехал в Африку – в Судан. Зрение вернулось ко мне, как только я добрался до аэропорта.

Я проплыл на торговой фелюге по колону реки мимо Донголы. Я побывал у «эфиопов» – таков был эвфемизм, означавший бордель. Я едва унес ноги от бешеной собаки. В больнице, где не хватало персонала, я выступил в роли анестезиолога, помогая делать кесарево сечение. Потом я повстречался с геологом, который разведывал минералы в горах у Красного моря.

Это была земля кочевников, а кочевники звались *беджа*: Кипплинговы «фаззи-ваззи», которым на всех было плевать – на египетских фараонов и на британскую кавалерию при Омдурмане.

Эти высокие и худые люди носили хлопчатобумажные одеяния цвета песка, перевязанные на груди крест-накрест; с щитами из слоновьей кожи, с мечами «крестоносцев», заткнутыми за пояс, они приходили в деревни, чтобы выменять мясо на зерно. Они глядели на деревенских с презрением, словно те – просто скотина.

При первых рассветных лучах, когда стервятники на крышах расправляли крылья, мы с геологом наблюдали за тем, как эти люди наводят ежеутренний марафет.

Они смазывали друг другу волосы надушенным козым жиром и закручивали их в курчавые пряди, так что у каждого на голове образовывался плотный масляный зонтик, который служил им вместо тюрбана и не позволял дневному зною сварить им мозги. К вечеру жир таял, и кудри теряли упругость, превращаясь в свалявшуюся волосяную подушку.

Нашим погонщиком верблюдов был шутник по имени Махмуд, у которого на голове была самая буйная копна волос. Для начала он украл у нас геологический молоток. А потом оставил на видном месте свой нож – для того, чтобы мы его украли. Затем, громко хохоча, мы обменялись своими кражами и сделались таким образом закадычными друзьями.

Когда геолог отбыл обратно в Хартум, Махмуд повел меня в пустыню – осматривать наскальные росписи.

Земля к востоку от Дерудеба была выжженной и иссохшей, и в *вади*, среди длинных серых утесов, росли дум-пальмы. Равнины пестрели акациями с плоскими вершинами, которые в ту пору года стояли без листьев, зато с длинными белыми колючками, похожими на сосульки, и с напылением из желтых цветов. Ночью, когда я лежал без сна под звездами, города западного мира казались мне тоскливыми и чуждыми, а претенциозность «мира искусства» – просто идиотизмом. Там-то во мне и начало пробуждаться чувство, будто я наконец вернулся домой.

Махмуд обучал меня искусству читать по следам на песке: вот здесь прошли газели, тут шакалы, это лисицы, а там – женщины. Как-то раз, взяв след, мы увидели стадо диких ослов. Однажды ночью мы услышали совсем вблизи кашель леопарда. Однажды утром Махмуд отрубил голову африканской гадюке, которая свернулась под моим спальным мешком, и поднес мне на кончике меча ее обезглавленное тело. Еще ни с кем я не чувствовал себя в такой безопасности – и в то же время ни с кем я не ощущал большей несовместимости.

У нас было три верблюда: два – для нас, третий – для бурдюков с водой. Но обычно мы предпочитали передвигаться пешком. Я шел в башмаках, Махмуд – босиком; никогда еще я не видел такой легкой поступи. Шагая, он пел: обычно это была песня о девушке из Вади-Хаммамата, которая прелестна, как длиннохвостый попугай. Верблюды были единственной собственностью Махмуда. Стад у него не было, он и не хотел их иметь. Ему было безразлично все то, что мы зовем словом «прогресс».

Мы нашли свои наскальные росписи: кеглеподобные фигурки людей, нацарапанные красной охрой на выступе скалы. Поблизости лежал длинный плоский валун с трещиной на одном конце, а поверхность его, будто оспинами, была испещрена чашеобразными ямками. Махмуд сказал, что это тот самый Дракон, которому отсек голову Али.

Он спросил у меня с коварной улыбкой, верю ли я в Бога. За две недели я ни разу не видел, чтобы он молился.

Позже, когда я уже вернулся в Англию, я нашел фотографию, изображавшую «фаззи-ваззи», высеченного на рельефе египетской гробницы XII династии в Бени-Хассане: жалостная, худая фигура, совсем как жертвы засухи в Сахеле; вдобавок в ней хорошо узнавался мой Махмуд.

Фараоны исчезли с лица земли – Махмуд и его народ дожили до наших дней. Я почувствовал, что мне необходимо узнать тайну их вечной и непочтительной живучести.

Я бросил работу в «мире искусства» и вновь отправился путешествовать по засушливым краям – в одиночку, налегке. Названия племен, среди которых мне довелось странствовать, не имеют значения: регейбат, кашкаиты, таймени, туркмены, бороро, туареги – все это были люди, чьи путешествия, в отличие от моих, не имели ни начала, ни конца.

Я спал в черных палатках, в синих палатках, в кожаных шатрах, в войлочных юртах и в ветроломах из колючек. Однажды ночью, попав в песчаную бурю в Западной Сахаре, я понял изречение Мухаммеда: «Путешествие – это частица Ада».

Чем больше я читал, тем больше утверждался в мысли, что кочевники издревле были рычагом истории – хотя бы потому, что все до одной крупнейшие монотеистические религии зарождались именно в пастушеской среде...

Аркадий смотрел в окно.

5

На тротуар заехал и припарковался раздолбанный красный грузовик. В кузове среди множества тюков и канистр сидели, прижавшись друг к другу, пять чернокожих женщин. Платья и головные платки у них были покрыты пылью. Водитель был дюжий детина с пивным брюхом, в засаленной войлочной шляпе, нахлобученной на спутанные волосы. Он высунулся из дверцы кабины и что-то закричал пассажирам. Тогда вышел долговязый старик и показал на какой-то предмет, торчавший среди тюков.

Одна из женщин передала ему нечто трубчатое, завернутое в прозрачный полиэтилен. Старик забрал это и, как только обернулся, Аркадий узнал его.

– Это мой старый приятель Стэн, – сказал он. – Из Попанджи.

Мы вышли на улицу, и Аркадий обнял старика Стэна. Стэн явно встревожился за целостность и сохранность то ли себя самого, то ли предмета в полиэтиленовой упаковке, и когда Аркадий разжал объятия, то вздохнул с облегчением.

Я стоял в дверях, наблюдая за этой сценой.

У старика были затуманенные красные глаза, на нем была грязная желтая рубаха, а борода и волосы на груди напоминали кольца дыма.

– А что это у тебя, Стэн? – спросил Аркадий.

– Картина, – ответил Стэн с глуповатой улыбкой.

– Что ты с ней собираешься делать?

– Продать ее.

Стэн был старейшиной племени пинтупи. Дюжий детина за рулем – его сыном Альбертом. Семья приехала в город, чтобы продать одну из картин Стэна миссис Лейси, владелице книжного магазина и картинной галереи «Пустыня».

– А ну-ка! – Аркадий нетерпеливо ткнул пальцем в сверток. – Давай поглядим!

Но старик Стэн опустил уголки рта, стиснул пальцы и пробормотал:

– Я должен ее сначала миссис Лейси показать.

Кофейня закрывалась. Официантка уже взгромоздила стулья на столы и теперь пылесосила ковер. Мы расплатились и вышли на улицу. Альберт, прислонившись к грузовику, разговаривал с женщинами. Мы зашагали по тротуару к книжному магазину.

Пинтупи были последним «диким племенем», которое вывезли из Западной пустыни и познакомили с белой цивилизацией. До конца 1950-х годов они продолжали заниматься охотой и собирательством, бродя голыми по песчаным холмам, как они занимались этим вот уже по крайней мере десять тысяч лет.

Это был беззаботный и отзывчивый народ, не практиковавший жестоких обрядов инициации, принятых у оседлых племен. Мужчины охотились на кенгуру и эму. Женщины собирали семена, корни и съедобных личинок. Зимой они укрывались в ветроломах из спинифекса, а даже в самый палящий зной редко оставались без воды. Превыше всего они ценили пару крепких ног и никогда не переставали смеяться. Те немногие белые, кто встречал пинтупи во время путешествий, поражались тому, какие у них упитанные и здоровые малыши.

Однако правительство придерживалось мнения, что людей каменного века нужно спасать – хотя бы во имя Христа. Кроме того, Западная пустыня была нужна ему для разработок новых месторождений, а возможно, и для ядерных испытаний. Пришло распоряжение посадить всех пинтупи в армейские грузовики и перевезти их на отведенные правительством территории. Многих отправили в Попанджи – поселение к западу от Алис-Спрингс. Там они погибали от эпидемий, вступали в стычки с людьми из чужих племен, спивались и пыряли друг друга ножами.

Даже живя в пленении, матери-пинтупи, как хорошие матери во всем мире, рассказывают своим детям сказки о происхождении животных: *Откуда у Ехидны колючки... Почему Эму не умеет летать... Отчего Ворона такая черная и блестящая...* И точно так же, как Киплинг сам проиллюстрировал штриховыми рисунками свои «Сказки просто так», так и мать-туземка чертит рисунки на песке, представляя в картинках странствия героев Времени Сновидений.

Она рассказывает свою сказку отрывистыми очередями скороговорки и одновременно чертит «следы» Предка, попеременно проводя по земле указательным и средним пальцами, так что получается двойная пунктирная линия. Она стирает ладонью каждый эпизод странствия, а под конец очерчивает круг, пересеченный еще одной линией – наподобие заглавной буквы Q.

Этот круг обозначает то место, где Предок, уставший от трудов Творения, снова ушел «восвояси».

Эти рисунки на песке, которые делаются для детей, суть лишь наброски или «свободные вариации» *настоящих* рисунков, изображающих *настоящих* Предков, которые выполняются лишь во время тайных церемоний и предназначены лишь для посвященных. В то же время именно благодаря этим «наброскам» дети учатся ориентироваться в своей земле, в ее мифологии и природных богатствах.

Несколько лет назад, когда драки и пьянство грозили выйти из-под контроля, один белый советник додумался до спасительной идеи: выдать пинтупи холсты и краски, чтобы те изобразили свои Сновидения в картинах.

Результат последовал немедленно: родилась австралийская школа абстрактной живописи.

Вот уже восемь лет старый Стэн Тджакамарра работал художником. Завершив очередное полотно, он отвозил его в книжный магазин «Пустыня», где миссис Лейси подсчитывала стоимость израсходованных материалов и сразу же выплачивала ему гонорар.

6

Мне нравилась Инид Лейси. Я уже провел часа два в ее книжном магазине. Она, несомненно, умела продавать книги. Она прочла почти все книги о Центральной Австралии и старалась держать у себя хотя бы по экземпляру каждого наименования. В помещении, служившем залом картинной галереи, она поставила два удобных стула для покупателей. «Читайте сколько душе угодно, – говорила она. – Я вас не заставляю ничего покупать!» Сама же прекрасно понимала, что, усевшись на этот стул, ты уже не уйдешь отсюда без покупки.

Ей было лет под семьдесят, она была старожилкой Северной Территории, с излишне заостренными носом и подбородком, с крашеными золотисто-каштановыми волосами. Она носила две пары очков на цепочках и пару опаловых браслетов на сморщенных от солнца запястьях. «Лично мне опалы всегда приносили только удачу», – сказала она мне.

Ее отец был когда-то управляющим на скотоводческой станции неподалеку от Теннант-Крика. Она прожила бок о бок с аборигенами всю свою жизнь, втайне обожала их и на дух не переносила никаких рассказней.

Она перевидала все старые поколения австралийских антропологов и была невысокого мнения о новых: «продавцы тарабарщины» – так она их называла. Правда состояла в том, что, хоть миссис Лейси и старалась держать себя в курсе всех свежих теорий, хотя она героически пыталась осилить книги Леви-Стросса, ей так и не удалось сильно продвинуться вперед. Но при этом всякий раз, как затевались споры о делах аборигенов, она принимала самый что ни на есть первосвященнический вид и вместо «я» начинала говорить «мы» – не королевское «мы», а «мы», означавшее «совокупность научных мнений».

Она одной из первых заметила достоинства живописи пинтупи.

Будучи проницательной деловой женщиной, она знала, когда можно предоставить художнику кредит, а когда нет, или вовсе отказать ему в гонораре, если художнику явно не терпелось выпить. Когда кто-нибудь из ее «ребят» появлялся, еле стоя на ногах, перед закрытием (а во «Фрейзер-Армз» это было как раз время открытия), она цокала языком и говорила: «Ну надо же! Никак не могу отыскать ключ от кассы. Придется тебе зайти завтра утром». А когда наутро художник приходил снова, благодарный ей за то, что не пропил заработок, она грозилась ему пальцем и спрашивала: «Ты домой возвращаешься? Да? Сейчас же?» «Да, мадам!» – отвечал тот, и тогда она добавляла ему немного денег сверху – на жену и детей.

Миссис Лейси платила за картины гораздо меньше, чем галереи в Сиднее или Мельбурне, но и продавала она их значительно дешевле, и картины у нее всегда хорошо раскупались.

Иногда какой-нибудь социальный работник обвинял ее в том, что она «обдирает» художников, но деньги из Сиднея или Мельбурна обычно переходили кооперативам аборигенов, а миссис Лейси всегда платила наличными и на месте. Ее «ребята» разбирались в удачных сделках и всегда возвращались в ее книжный магазин.

Мы вошли вслед за Стэном.

– Ты опоздал, болван! – сказала миссис Лейси и поправила очки на носу.

Он стал бочком, между двумя посетителями и книжным шкафом, пробираться к ее столу.

– Я же говорила тебе – приходи во вторник, – сказала она. – Вчера приезжал тот человек из Аделаиды. Теперь нам придется ждать еще месяц.

Посетителями магазина была супружеская пара, американские туристы, которые никак не могли решить, какую из двух книг с цветными вклейками купить. У мужчины в синих бермудах и желтой спортивной рубашке было загорелое веснушчатое лицо. Женщина была симпатичной, но несколько изможденной блондинкой. На ней было красное платье из батика с аборигенским узором. В руках они держали книги «Австралийские Сновидения» и «Сказки Времени Сновидений».

Старик Стэн положил свой сверток на стол миссис Лейси. Покачав головой туда-сюда, он пробормотал что-то извиняющимся тоном. Плесневый запах, исходивший от него, сразу заполнил всю комнату.

– Идиот! – закричала миссис Лейси. – Я же тебе тысячу раз говорила. Человеку из Аделаиды не нужны картины Гидеона. Ему нужны твои картины.

Мы с Аркадием держались немного в стороне, позади – возле полок, где были расставлены труды, посвященные обычаям аборигенов. Американцы наострили уши и прислушивались к разговору.

– Я понимаю, о вкусах не спорят, – продолжала миссис Лейси. – Он утверждает, что ты – лучший художник в Попанджи. Он крупный коллекционер. Ему виднее.

– Это правда? – поинтересовался американец.

– Да, – ответила миссис Лейси. – У меня расходится все, что выходит из рук мистера Тджакамарры.

– А нельзя ли нам взглянуть? – спросила американка. – Пожалуйста.

– Не знаю, – ответила миссис Лейси. – Вам нужно спросить самого художника.

– Нельзя ли нам взглянуть?

– *Можно* им взглянуть?

Стэн затрясся, сгорбился и закрыл лицо руками.

– Можно, – сказала миссис Лейси, любезно улыбнувшись и разрезав ножницами полиэтиленовую упаковку.

Стэн отнял пальцы от лица и, взявшись за край холста, помог миссис Лейси развернуть его.

Картина была большая – почти метр двадцать на девяносто. Фоном служили пуантилистские точки различных оттенков охры. В центре был изображен большой синий круг, а вокруг него были рассеяны еще несколько кругов поменьше. Каждый круг был обведен по периметру алым ободком, и все они соединялись между собой лабиринтом волнистых, розовых, как фламинго, толстых черточек, которые несколько напоминали внутренности.

Миссис Лейси переменяла одни очки на другие и спросила:

– Ну, что это здесь у тебя, Стэн?

– Медовый Муравей, – прошептал он хриплым голосом.

– Медовый Муравей, – объяснила она американцам, – один из тотемов в Попанджи. На этой картине изображено Сновидение Медового Муравья.

– Мне кажется, она такая красивая, – задумчиво произнесла американка.

– Это вроде обычного муравья? – спросил американец. – Вроде муравья-термита?

– Нет-нет, – ответила миссис Лейси. – Медовые муравьи совсем не такие. Они питаются соком мульги. Мульга – это такая разновидность акации, которая растет у нас в пустыне. И эти муравьи отращивают себе на зад у медовые мешочки, которые выглядят как прозрачные пластиковые пузыри.

– Правда? – спросил мужчина.

– Я их ела, – ответила миссис Лейси. – Очень вкусно!

– Да, – вздохнула американка. Она глаз не сводила с картины. – По-своему она очень красивая!

– Но я не вижу на этой картине ни одного муравья, – сказал мужчина. – Может, это... Может, на ней изображен муравейник? А эти розовые трубочки – проходы?

– Нет. – Миссис Лейси несколько приуныла. – На этой картине изображено странствие Медового Муравья-Предка.

– А, то есть это дорожная карта? – улыбнулся тот. – Да, я так и подумал, что это похоже на дорожную карту.

– Именно, – подтвердила миссис Лейси.

Тем временем жена американца то открывала, то снова закрывала глаза, чтобы узнать, какое впечатление произведет на нее картина, когда она окончательно раскроет их.

– Красиво, – повторила она.

– А вы, сэр! – обратился американец к Стэну. – Вы сами едите этих медовых муравьев? Стэн кивнул.

– Нет! Нет! – пронзительно закричала жена. – Я же тебе объясняла сегодня утром. Своего тотема не едят! Если ты съешь своего Предка, тебя за это убьют!

– Дорогая моя, этот джентльмен утверждает, что ест медовых муравьев. Я правильно вас понял, сэр?

Стэн снова кивнул.

– Кажется, я запуталась, – сказала женщина растерянно. – Вы хотите сказать, что Медовый Муравей – не ваше Сновидение?

Стэн затряс головой.

– А что тогда – *ваше* Сновидение?

Старик задрожал, совсем как школьник, которого заставляют выдать секрет, и едва выдал из себя:

– Эму.

– Ну, теперь я *совсем* запуталась. – Женщина разочарованно кусала губу.

Ей понравился этот старик в желтой рубашке с обмякшим ртом. Ей понравилась история о медовых муравьях, ползущих по пустыне под ярким солнцем, которое золотит им медовые мешочки. Ей полюбилась эта картина. Ей хотелось купить ее, хотелось, чтобы старик подписал ее, но теперь она снова задумалась.

– А что, если, – медленно и осторожно проговорила она, – если мы оставим деньги у миссис...

– Лейси, – подсказала миссис Лейси.

– ...не могли бы вы тогда написать для нас картину, изображающую Сновидение Эму, и отослать ее... попросить миссис Лейси отослать ее в Соединенные Штаты?

– Нет, – вмешалась миссис Лейси. – Не может. Ни один художник не изображает собственное Сновидение. Оно слишком могущественно. Оно может убить его.

– Ну, тогда я *окончательно* запуталась. – Женщина заломила руки. – Вы хотите сказать, ему нельзя изображать собственное Сновидение, но можно изображать чужие?

– Я понял, – сказал ее муж, просяив. – Ему нельзя есть эму, но можно есть медовых муравьев: так и здесь. Да?

– Вы правильно все поняли, – сказала миссис Лейси. – Мистеру Тджакамарре нельзя изображать Сновидение Эму, потому что эму – его тотем по отцовской линии, и изображать его было бы святотатством. Но ему можно изображать медового муравья, потому что это тотем сына брата его матери. Верно я говорю, Стэн? Ведь Медовый Муравей – это Сновидение Гидеона?

Стэн моргнул и сказал:

– Верно!

– Гидеон, – продолжала миссис Лейси, – ритуальный ассистент Стэна. Они оба рассказывают друг другу, что им можно, а что нельзя изображать.

– Кажется, я понимаю, – неуверенно произнесла американка. Но у нее по-прежнему был довольно растерянный вид, и ей понадобилось время, чтобы перейти к следующей мысли.

– Вы говорили, что этот мистер Гидеон – тоже художник?

– Художник, – подтвердила миссис Лейси.

– И он изображает Сновидения Эму?

– Да.

– Как здорово! – Женщина неожиданно рассмеялась и захлопала в ладоши. – Значит, мы можем купить по одной каждого и повесить их в паре.

– Подожди, дорогая, – возразил ее муж, пытаясь унять ее восторг. – Вначале нам надо убедиться, что эта картина с Медовым Муравьем продается. А если да, то за сколько?

Миссис Лейси взмахнула ресницами и лукаво сказала:

– Не знаю. Вам нужно спросить художника.

Стэн поворачивал белками глаз, уставился в потолок и зашелестел губами. Видимо, он прикидывал, какую цену дала бы ему миссис Лейси, и умножал ее на два. Наверняка и он, и миссис Лейси уже неоднократно ломали эту комедию. Потом он опустил голову и сказал:

– Четыреста пятьдесят.

– Австралийских долларов, – вставила миссис Лейси. – Разумеется, мне придется взять с вас комиссионные. Десять процентов! Это только справедливо. А за краски и холст я накину еще двадцать.

– Процентом?

– Долларов.

– Ну, это по-божески, – сказал мужчина с явным облегчением.

– Она *такая* красивая, – произнесла женщина.

– Ну, ты рада? – спросил ее муж успокаивающим тоном.

– Да, – сказала она. – Я *так* рада!

– Можно расплатиться «Американ-экспрессом»?

– Конечно, – отозвалась миссис Лейси. – Если вас не смущают *их* комиссионные.

– Отлично. – Мужчина сделал большой вдох. – А теперь я хочу узнать, что тут происходит. На картине.

Мы с Аркадием тихонько подошли поближе, замерли за спинами американцев и стали наблюдать, как старик Стэн тычет своим костлявым пальцем в большой синий круг на холсте.

Он объяснил, что это Вечный Дом Медового Муравья-Предка в Татата. И вдруг мы все, похоже, увидели полчища медовых муравьев с блестящими полосатыми телами, лопавшимися от нектара, в своих сотах под корнями мульги. Мы увидели кольцо огненно-красной земли, окружающее вход в их муравейник, и дорожки, по которым они разбегались в другие места.

– Эти круги, – пояснила, в свою очередь, миссис Лейси, – обрядовые центры медовых муравьев. А «трубочки», как вы их назвали, – Пути Сновидений.

Американец, похоже, был покорен.

– А мы можем поехать поглядеть на эти Тропы Сновидений? Ну, там, где они на самом деле проходят? Как в Айерс-Роке? В каких-нибудь таких местах?

– Они могут, – ответила она. – *Вы* – нет.

– Вы хотите сказать, что они невидимы?

– Для вас – да. Но не для них.

– А где они проходят?

– Везде, – сказала миссис Лейси. – Насколько мне известно, одна из таких Троп проходит прямо посреди моего магазина.

– Страсть какая, – хихикнула жена американца.

– Эти Тропы видят только *они*?

– Видят – и поют, – добавила миссис Лейси. – Не бывает пути без песни.

– И эти Пути пролегают тут повсюду? – переспросил мужчина. – По всей Австралии?

– Да, – ответила миссис Лейси, с удовлетворением вздохнув оттого, что наконец нашла броскую формулу: – Земля и песня едины.

– Потрясающе! – изрек американец.

Американка достала носовой платок и стала утирать уголки глаз. Мне даже на миг показалось, что она готова расцеловать старика Стэна. Она понимала, что эта картина написана

специально для белых людей, но художник подарил ей мимолетную возможность взглянуть на нечто редкостное и диковинное, и за это она испытывала к нему огромную благодарность.

Миссис Лейси снова переменила очки и принялась заполнять бланк «Американ-экспресса». Аркадий помахал на прощанье Стэну, мы вышли на улицу, а вскоре услышали за собой победное *хррямп!* машинки для кредитных карточек.

– Вот это женщина! – сказал я.

– Да, выдержки ей не занимать, – отозвался Аркадий. – А теперь давай зайдем выпить.

7

У меня на ногах были резиновые шлепанцы, а поскольку перед всеми приличными барами в Алис были вывешены таблички: «В шлепанцах не входить» (с целью отвадить «аборигешек»), мы отправились в общий бар «Фрейзер-Армз».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.